

ОТ ИЗБЫ К МАРКЕТПЛЕЙСАМ:

как потребление
стало верой

ЕКАТЕРИНА СЕВЕРИНОВА

Екатерина Северинова

**От избы к маркетплейсам:
как потребление стало верой**

«Автор»

2026

Северина Е.

От избы к маркетплейсам: как потребление стало верой /
Е. Северина — «Автор», 2026

Когда выбор становится бесконечным, свобода перестаёт быть свободой — и превращается в усталость. Когда дом наполняется вещами, он перестаёт быть местом жизни — и становится складом. Когда потребление обещает смысл — человек всё чаще его теряет. Эта книга — о пути от избы до маркетплейсов. Вещи перестали быть просто предметами: они формируют желания, привычки, идентичность и наше представление о свободе. Почему избыток не приносит удовлетворения? Почему мы устаём среди возможностей? И как потребление стало не просто экономикой, а почти религией — со своими ритуалами, языком и обещаниями смысла? Эта книга соединяет крестьянскую избы и маркетплейсы, Толстого и алгоритмы, психологию выгорания и советский быт. Это не набор тем, а единая линия о том, как пространство, вещи и технологии формируют мышление современного человека. Как в мире бесконечного выбора понять, что действительно имеет значение? После прочтения книги ответ на этот вопрос покажется простым, как печь в избе!

© Северина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Утрата меры, или как дом перестал быть домом	8
Дом до излишка	8
Крестьянская норма	13
Рождение вещиизма	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Екатерина Северинова

От избы к маркетплейсам: как потребление стало верой

Предисловие

Сложно ответить на вопрос, о чём эта книга.

О вещах?

О доме?

О памяти?

О потреблении?

О человеческой усталости?

О культуре?

О свободе выбора?

И да, и нет одновременно.

Потому что дом никогда не был просто пространством, а вещи — просто вещами.

Дом — это точка пересечения огромного количества сил, которые формируют человеческую жизнь. Истории, экономики, технологий, географии, привычек, семейных сценариев, рынка, памяти, страха, труда, представлений о красоте и успехе. Всё это буквально материализуется вокруг нас: в планировке квартир, количестве предметов, способах хранения, ритмах дня, освещении, мебели, покупках и даже в ощущении постоянной перегруженности, которое многие уже перестали замечать.

Именно поэтому для разговора о доме недостаточно одной дисциплины.

Как строительство города требует участия архитекторов, инженеров, юристов, экономистов, экологов и политиков, так и исследование дома требует сразу нескольких способов смотреть на человека и пространство вокруг него.

В этой книге мы будем обращаться к антропологии — потому что дом всегда был отражением культуры и представлений человека о порядке, безопасности, близости и самом устройстве жизни.

К истории — потому что наши привычки не возникли случайно. Многие из них сформировались задолго до нашего рождения: через войны, дефицит, советский быт, индустриализацию, массовое производство и смену экономических укладов.

К географии и экологии — потому что материалы, климат, устройство поселений и доступ к ресурсам веками определяли, как именно человек живёт, хранит вещи, строит дом и воспринимает пространство.

К психологии и когнитивным наукам — потому что современный человек живёт в условиях постоянной сенсорной и информационной перегрузки, а избыток объектов напрямую влияет на внимание, тревожность, усталость и способность принимать решения.

К маркетингу и информационным технологиям — потому что сегодня наши желания всё реже формируются естественным образом. Алгоритмы рекомендаций, реклама, цифровые платформы и экономика внимания активно участвуют в создании повседневных привычек потребления.

И, конечно, мы будем говорить о самих вещах.

О мебели, текстиле, пластике, посуде, хранении, фотографиях, ремонте, дачах, контейнерах, маркетплейсах, советских стенках и бесконечных коробках «на всякий случай».

При этом, никто не пытается обвинить человека в неправильном образе жизни. Наоборот — одна из главных мыслей книги заключается в том, что многие наши привычки сформированы исторически, экономически и алгоритмически. Мы далеко не всегда выбирали их осознанно.

Мы поговорим о том, как дом постепенно превратился из пространства жизни в пространство обслуживания вещей. О том, почему современная культура производит избыток. Почему человеку всё труднее чувствовать завершенность. Почему потребление почти перестало быть связано с необходимостью и всё чаще связано с тревогой, идентичностью и попыткой обрести контроль над жизнью.

Но эта книга не о борьбе с вещами. И не о минимализме.

Она о способности снова видеть взаимосвязи между пространством, телом, памятью, вниманием, привычками и ощущением внутренней свободы.

Потому что главный вопрос здесь звучит не так: «Сколько вещей нужно человеку?»

А так: «Как человеку снова начать делать выбор?»

Возможно, именно с этого вопроса и начинается возвращение свободы.

Не свободы обладать всем.

Свободы различать.

Эта книга предназначена для того, чтобы вернуть дом к его изначальной функции — быть опорой в жизни, центром которой вещи не являются.

Предупреждение! Если исследование дома на стыке изучения крестьянской избы, Толстого, советского быта, теорий заговора, алгоритмов рекламы, антропологии, маркетплейсов и когнитивной перегрузки кажется вам бессвязной сборной солянкой, то эта книга, скорее всего, вам не понравится — и тогда лучше не тратить на неё время.

А тем, кто любознателен — добро пожаловать!

Глава 1. Утрата меры, или как дом перестал быть домом

Дом до излишка

Попробуйте на время отложить всё, что вы знаете. Не стереть — это невозможно, — а просто поставить рядом, как ставят обувь у порога, прежде чем войти в дом.

Мы привыкли думать о прошлом через слова: «традиции», «вера», «борьба» и «выживание». Эти слова слишком громкие. Они заглушают то, что было на самом деле — жизнь, проживаемую телом, руками, дыханием, ожиданием тепла и еды.

Эта книга начинается не с государства и не с имён. Она начинается с дома.

Мы идём в то время, когда ещё не существовало нынешних границ. На этой земле жили разные люди: в степи и в лесу, у рек и в тундре. Они говорили на разных языках, одевались по-разному, по-разному строили дома и по-разному называли мир. Но их объединяло одно: понимание меры⁽¹⁾. Меры тепла, меры вещей, меры близости, меры труда и меры молчания.

Мера — это не аскетизм и не отказ от комфорта. Это соответствие между количеством вещей и возможностью их проживать. Между тем, что находится в доме, и тем, что действительно включено в повседневную жизнь.

Потеря меры заметна не только в количестве предметов, но и в характере отношений с ними. Вещи начинают жить в будущем времени: «когда-нибудь пригодится», «на потом», «жалко выбрасывать». Дом наполняется беспочвенными обещаниями, которые никогда не воплотятся в жизнь, но продолжают требовать места и внимания.

В традиционном быту этот баланс был вписан в саму ткань жизни. Сегодня её приходится восстанавливать осознанно — не через насилие над собой, а через возвращение связи между действием, предметом и ответственностью.

Мы начинаем отсюда, потому что именно здесь рождались те формы быта, которые, меняясь, дожили до нас. Дом как укрытие, а не как витрина. Вещь как спутник, а не как показатель. Вечер как время быть вместе, а не как пауза между делами. Эти представления не исчезли — они просто ушли глубже, в ту часть памяти, которую редко тревожат.

Возможно, читая следующие сцены, вы поймаете себя на странном ощущении: будто вы это уже знаете. Не умом — телом. Как будто запах дыма или тепло рядом лежащего человека отзывается чем-то знакомым, хотя вы никогда не жили в юрте, землянке или избе.

Это ощущение узнавания формируется через повторяющиеся семейные сценарии, ритмы быта и способы обращения с пространством, которые усваиваются с детства и становятся частью внутренней нормы, даже если их происхождение давно забыто⁽²⁾. Эти формы меняются медленно и нередко переживают политические режимы, границы и даже утрату памяти о собственном происхождении.

Большая часть населения России вплоть до начала XX века жила в условиях, где дом был не пространством потребления, а системой выживания и передачи опыта. Этот опыт не исчез бесследно. Он продолжает проявляться — в телесных реакциях, в тревоге перед пустотой, в стремлении к запасам, в трудности выбрасывания, в особом отношении к вещам и пространству.

Эта книга исходит из простой, но редко проговариваемой идеи: наш современный быт во многом строится поверх логики, для которой он не предназначен. И пока мы не замечаем этого расхождения, дом будет казаться источником усталости, а не опорой.

Эта книга — не призыв вернуться назад и не попытка идеализировать прошлое. Она о другом. О том, как мы оказались в мире, где вещей стало больше, а связей — меньше. Где дом превратился в пространство для хранения, а вечер — в время потребления. И о том, что, возможно, мы всё ещё способны вспомнить, как быть в мире без излишка.

Мы начинаем с простого — с жизни. Потому что всё остальное вырастает именно из неё.

Дом никогда не принадлежит только одному человеку и даже одному поколению. Вместе с мебелью и планировкой в него входят способы обращаться с пространством, выработанные задолго до нас. Страх потери, привычка запасаться, трудность расставания с «хорошими» вещами, ощущение, что выбрасывать опасно, — всё это редко возникает на пустом месте.

В современной психологии эти процессы описываются через работу с семейной историей и так называемые «генограммы» — схемы, позволяющие увидеть повторяющиеся сценарии выживания, отношения к труду, собственности и безопасности. Речь идёт не о мистике, а о вполне рациональных стратегиях, которые когда-то помогали выжить.

Опыт резкого обеднения, утраты имущества, вынужденного отказа от результатов собственного труда — будь то войны, переселения или раскулачивание — формировал особое отношение к вещам. Этот опыт редко осознаётся, но продолжает влиять на то, как мы обустраиваем дом сегодня.

Понимание этого контекста не требует обвинений или поиска виноватых. Оно нужно для другого: чтобы отличить необходимость от привычки и заботу — от тревоги, замаскированной под бережливость.

Утро. Степь. Солнце здесь не встаёт — оно врывается. Сначала свет проходит сквозь войлок, делая его тёплым и золотистым, потом касается лиц, и только после этого доходит до земли.

Юрта стоит открытая ветру, круглая, низкая, собранная из дерева и войлока. Её легко разобрать — и легко поставить снова. Дом здесь не корень, а пауза в движении.

Мужчина выходит первым. Он откидывает полог, и свет бьёт прямо в глаза. Он щурится, прикрывая лицо ладонью. Кожа загорелая, сухая, на пальцах — следы верёвок. На нём длинная рубаха из плотной ткани, подпоясанная широким кожаным поясом. Пояс тугой: в нём нож, кремень, небольшой мешочек с солью. Всё, что нужно телу и дороге.

Он смотрит на табун. Лошади уже шевелятся, переступают с ноги на ногу, поднимая пыль. Сегодня их поведут дальше — трава здесь выжжена солнцем, пора искать новую.

Женщина выходит следом. На ней длинное платье, поверх — накидка, защищающая от утренней прохлады. Волосы убраны, шея открыта. В руках — деревянная чаша с тёплым молоком. Чаша гладкая, тёплая, пахнет дымом. Её держали так часто, что она будто знает форму ладони.

Дети сидят у входа, на земле. Они завтракают лепёшками, макая их в молоко. Лепёшки ещё тёплые, плотные. Крошки падают в пыль, и никто не подбирает их — степь всё равно заберёт своё.

Впереди — выпас, путь, сбор шатров, движение. Утро здесь — не начало дня, а подготовка к дороге.

День. Лес и река. В лесу утро не наступает сразу. Оно накапливается. Свет в полуземлянку попадает осторожно — через дымовое отверстие в крыше и маленькое отверстие в стене. Он ложится полосой на пол, на край очага, на руки. Остальное — полумрак. Здесь темно не потому, что бедно, а потому что так теплее и спокойнее.

Полуземлянка стоит на приподнятом берегу реки. Вода рядом, но не вплотную — чтобы весной не затопило. До соседнего жилища — несколько десятков шагов. Их не видно, но слышно: лай собаки, звук топора, детский голос. Община рядом, но не вторгается.

Стены сложены из брёвен и земли. Они пахнут сыростью, дымом и корой. Очаг тлеет. Угли живые — если поднести ладонь, тепло будет мягким, глубоким.

Женщина сидит на низкой лавке. На ней длинная рубаха, поверх — безрукавка из меха. Ткань плотная, грубая. Она плетёт короб из бересты. Береста сухая, шуршит под пальцами, поддаётся ножу. Рядом лежат сети, верёвки и кусок шкуры.

Мужчина возвращается с реки. Он в короткой куртке, запахнутой плотно, на ногах — мягкая обувь. От него пахнет холодной водой и рыбой. Рыбу он кладёт на деревянную доску — доска вся в следах, каждая зарубка помнит свой день.

Наступает время чинить сети, коптить рыбу, готовить мясо к сушке и проверять охотничьи ловушки. Здесь день — это поддержание жизни, без излишков и спешки.

Вечер. Предуралье. Огонь. К вечеру воздух густеет. Дым стелется низко, цепляется за одежду. Он пахнет древесиной, жиром и чем-то терпким — можжевельником.

Жилища стоят ближе друг к другу, чем в тайге. Между ними — тропинки, утопанные ногами. Вечером люди сходятся к одному огню, после того как рубили лес, ставили срубы, ткали и чинили упряжь.

И теперь руки продолжают работать, даже когда тело устало.

Один правит нож — звук короткий, сухой. Другой штопает одежду. Женщина прядёт, вытягивая нить ровно, почти не глядя. Одежда здесь тканая, льняная, с орнаментом — простым, геометрическим. Он не для красоты, а для памяти и порядка.

Кто-то начинает рассказывать. Про лесного духа, который сбивает человека с дороги, если тот идёт один и сердитый. Про реку, которая забирает тех, кто не благодарит её за рыбу. Эти истории знают все, но всё равно слушают.

Вечер — это время, когда день собирается в слова.

Ночь. Дом в лесу. Ночью дом дышит. Изба стоит на краю селения. До соседней — слышно шаги, кашель, скрип двери. Люди рядом, даже если их не видно.

Печь тёплая. Она пахнет хлебом, золой, молоком и телом. На ней спят. Тела лежат близко — плечо к плечу, нога к ноге. Никто не отдёргивается.

В красном углу — иконы. Лики темнеют в полумраке. Они смотрят не строго, а привычно, как смотрят на тех, кого знают давно.

В сундуке — одежда, холсты, свадебный платок, редкие вещи. Его открывают редко. Это не хранилище, а узел времени.

Во сне приходят образы: дом, который нужно беречь, поле, которое нужно обработать, дорога, на которую нельзя выходить без причины. Сны здесь — не фантазия, а продолжение жизни. Через них мир объясняет себя человеку. Снаружи — тьма, лес, неизвестность. Внутри — тепло, дыхание других и понятный порядок.

(Комната в крестьянской избе. Санквирико Алессандро с рисунка Волконской Зинаиды Александровны, 1826 г.)

Русская сказка редко говорит о чувствах. Зато почти всегда говорит о порядке.

В ней важно, где стоит печь, кто отвечает за дорогу, что можно брать с собой, а что — нет, в какой момент нужно остановиться, а в какой — действовать. Герои погибают не из-за злых сил, а из-за нарушения меры: поспешности, жадности, пренебрежения простыми правилами быта.

Сказка — это не форма развлечения и не детский жанр. Это способ передачи бытового знания в культуре, где письменность долгое время не была массовой. Через сказку передавались представления о доме как о защищённом пространстве, о вещи как о продолжении труда, о запасе как о необходимости, а не цели.

Современный человек часто воспринимает эти сюжеты как наивные или абстрактные. Но именно в них зафиксирована логика жизни, в которой не существовало избыточных вещей — потому что каждая вещь была связана с действием, навыком и ответственностью.

Как ни парадоксально, когда человек знает меру, вещи теряют власть над ним. Да, некоторые из них — печь, сундук, иконы — связывают поколения, хранят память, отражают семейные и религиозные порядки. Но скорбь по вещам была избирательной. Повседневные предметы утрачивать было привычно, хотя утрата сакральных узлов — сундука, иконы, инструмента, связанного с жизненным переходом, — переживалась как разрыв порядка, а не просто бытовое неудобство.

По обычным вещам не скорбели, поскольку ясно различали: предметы изнашиваются и уходят, тогда как отношения и наследие продолжают жить вне их.

Это различие сегодня во многом утрачено. Лично мне представляются старики, гордо демонстрирующие фотографии детей и внуков, с которыми практически не общаются. Крик

и топот матери, ругающей ребёнка за утраченную игрушку. Бесконечное множество других случаев, когда связь через вещи оказывается сакральнее самих людей и отношений с ними.

Что ж, полуземлянка скрывается в земле, юрта раскрыта степному ветру. Изба же стоит — между ними, не уходя под землю и не снимаясь с места. Она не прячется и не кочует: она держится. В этом удерживании пространства и времени и рождается тот образ дома, который в русской культуре оказался особенно стойким.

Изба знакома раньше, чем становится понятной. Она приходит из сказки, из иллюстраций, из рассказов — как нечто само собой разумеющееся.

При этом изба — организованное иерархическое пространство. Внутри неё нет случайных зон: каждый элемент занимает «свое место» и наделён устойчивым значением. Печь концентрирует тепло и телесность, красный угол связывает дом с сакральным порядком, порог и окна маркируют границы между внутренним и внешним. Дом выступает не просто жильём, а моделью мира в миниатюре — упорядоченной, повторяемой, защищённой от хаоса.

Единственным эстетическим символом избы для современного русского человека являются орнаменты и роспись наличников. Орнамент не был «украшением» в современном смысле, но и не сводился к утилитарной защите. Это был своего рода «текст», который можно было «прочитать», поскольку узор состоял из растительных и природных мотивов — деревья, цветы и солнце могли много рассказать о том, каким окружающий мир видели хозяева избы.

Кроме того, такие «украшения» не захламляли пространство и не накапливались со временем, что заметно противоречит попыткам современных людей украсить и «обуютить» свой дом различными декоративными миниатюрами.

Всё, о чём пойдёт речь дальше, не является попыткой переосмыслить или осовременить исторический опыт. Эти формы жизни подробно зафиксированы — этнографами, филологами, историками быта — задолго до того, как современный человек начал воспринимать дом как интерьер.

Крестьянская норма

*«В дурачке, который
ходит у нас по улице, большие
времени — эпохи, чем в каком-нибудь министре»*

В.М. Шукшин

Для подавляющего большинства населения минималистичный быт был не идеологией, а доминирующей формой существования — заданной условиями производства, климата и уклада.

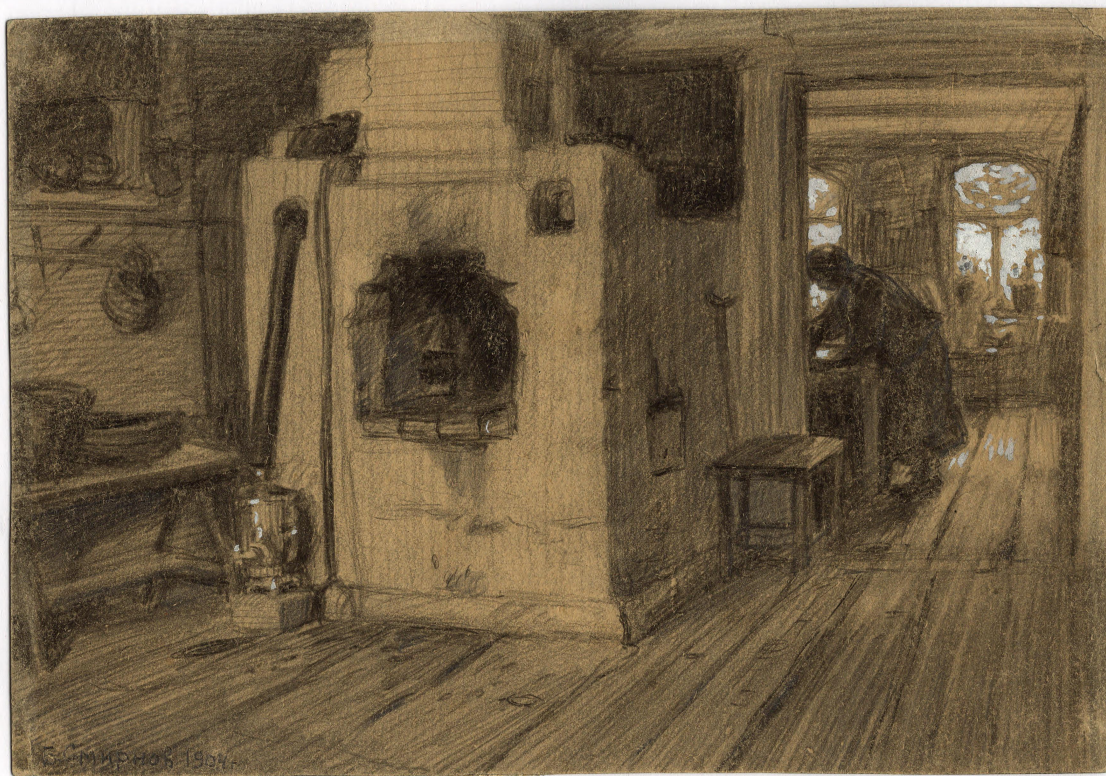
Наши исторически дальние родственники, чьих имён мы не знаем, жили в мире, где быт менялся столетиями. Их бы, вероятно, поразило, как радикально может преобразиться повседневная жизнь всего за сто лет.

Почти все мы — статистически и фактически — произошли от людей крестьянского уклада, в котором жили столетиями(3). Городская культура, которую мы привыкли считать «нормой прошлого», до конца XIX века касалась крайне узкого слоя населения и существовала сравнительно недолго.

Парадокс в том, что именно эта культура — через литературу, образование и символический капитал — стала для нас основной точкой отсчёта. Мы выросли на описаниях жизни, которая была исключением, и почти не замечаем, что правила повседневного быта большинства наших предков были устроены иначе. Вопрос в том, какие из этих правил по-прежнему работают — независимо от того, осознаём мы это или нет.

Подавляющее большинство населения жило в условиях, где покупка вещей была исключением, а не нормой. Дом, еда, одежда, утварь — всё это создавалось, поддерживалось и чинилось внутри семьи или общины. Вещь не покупали «под настроение» и не выбирали между вариантами. Она появлялась тогда, когда без неё невозможно было продолжать жизнь.

Это означает, что привычка производить, чинить и использовать до износа была не добродетелью и не идеологией, а естественным способом существования. И именно эта логика — а не опыт городского потребления — лежит в основе культурной памяти большинства современных семей, даже если сами они давно живут в городах и квартирах. Вдумайтесь, насколько малочисленным и хрупким, неактуальным и не массовым был опыт горожан, небольшая часть которых могла позволить себе приобретать или снимать жилище в городе, а также покупать вещи и еду вместо их производства. Фактически количество таких людей было в разы меньше сохранивших традиции малых этнических групп, и совершенно незаметно в сравнении с подавляющим числом крестьян.

(В избе на окраине Иркутска. Б.В. Смирнов, 1904)

Городской образ жизни долгое время не был нормой, а оставался исключением. Он требовал иной логики существования: регулярного дохода, покупки еды и вещей, проживания в ограниченном пространстве без возможности самостоятельного производства. Этот опыт был непрочным и зависимым — от рынка, инфраструктуры, власти.

Именно поэтому городская модель быта долго не формировала устойчивых традиций обращения с вещами. Она не успела выработать собственную меру. В результате современный человек унаследовал противоречивый набор установок: телесную память о бережливости и запасах — и навязанную извне модель постоянного обновления и потребления.

Это расхождение и создаёт внутренний конфликт, который сегодня проявляется в усталости от вещей, тревоге в доме и ощущении, что пространство живёт отдельной от человека жизнью.

Это значит — для меня — то, что несмотря на труды известных представителей горожан и дворян — писателей и учёных, а также политиков, из трудов которых мы узнаем о нашем наследии — настоящее народное, семейное наследие лежит в другой плоскости. Вы ничего не узнаете о быте своих предков, если не прислушаетесь к их быту, их историям.

Рождение вещиизма

К 1960–1970-м годам «советский быт» сформировался как массовое явление: квартира с типовой мебелью, готовой кухонной утварью, холодильником и телевизором, одежда и обувь уже покупные, продукты доступны через магазины. Дом перестал быть мастерской и кладовой одновременно — вещи отделились от труда, а повседневная жизнь зависела от фабрик и распределения. То, что когда-то требовало постоянного труда и изобретательности, теперь стало частью обыденного, почти незаметного ритма, но изменило привычки, ощущения пространства и самого дома.

Тот, кто удивляется, как мы из такого аскетичного прошлого пришли к такому изобильному настоящему, следует учесть следующее.

Во-первых, при ограниченности и регламентации ассортимента, холодильник, стиральная машина, редкая игрушка или импортная вещь становились своего рода «трофеями», а процесс отстаивания очередей к «фарцовщикам» и поиска блага только добавлял азарта(4).

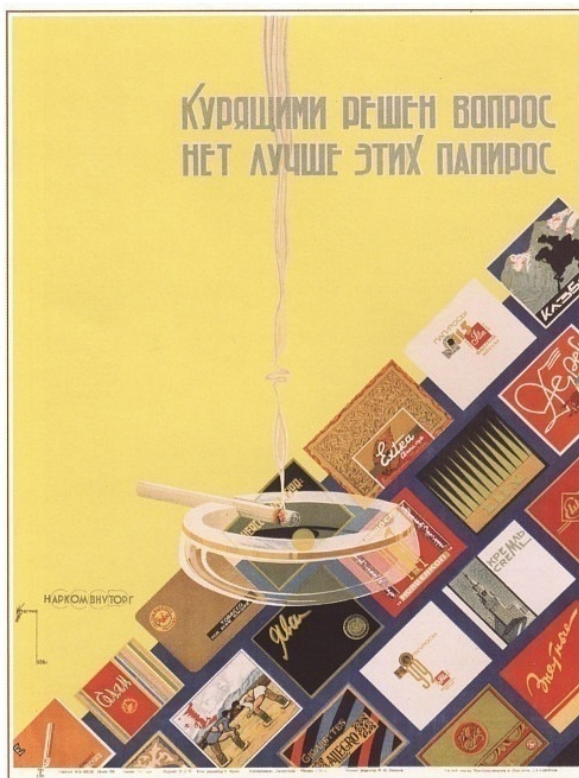
Возникал парадокс: дефицит стимулировал потребительское поведение, но оно было направлено не на «свободный выбор» вещей, а на сам процесс их получения. Вещи превращались в символ статуса и социального умения, а не просто в функциональные предметы.

Во-вторых, люди, труд которых ранее был прямо пропорционален полезности произведённой вещи, теперь шли ва-банк, тренируя навыки накопления. Сберегательные книжки, существовавшие с 60-х годов, изменили правила игры, задав цель труда советского человека: покупка вещей. По оценкам экономистов, к 80-м годам у советских граждан уже были значительные накопления: в среднем 10–15% дохода населения шло в сбережения, часто на крупные покупки (холодильники, стиральные машины, автомобили).

Так что после распада СССР, когда на рынке появились западные и китайские товары, для людей, у которых были сбережения и привычка копить на редкие вещи, это стало настоящей отдушиной в новом потребительском мире. Масло в огонь подливала и реакция на дефицит, окончательно превратившаяся в вещизм.

171. Родченко А., Маяковский В.
Самый деловой, аккуратный самый... 1923

533. Боград И.
Курящими решен вопрос. Нет лучше этих папирос. 1937

Типовая квартира второй половины XX века мало похожа на привычное предкам жилище. Раньше свой дом воспринимался как «микровселенная», где у каждой семьи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.